

Ю.А. Писарев о русской эмиграция в Югославии*

Аннотация:

Ю.А. Писарев много занимался балканскими сюжетами Первой мировой войны. Продолжением этого интереса стала его статья о русской эмиграции в Королевстве Югославия, о построенном эмигрантами Русском доме в Белграде и находившейся там библиотеке, которая была уничтожена после Второй мировой войны. Статья была одной из первых отечественных работ, написанных на эту тему. В ней ярко проявились особенности жизненного и творческого кредо автора.

Ключевые слова:

русская эмиграция в Югославии, Русский дом в Белграде, библиотека эмигрантской литературы, академик Ю.А. Писарев.

Konstantin V.
NIKIFOROV

Yu.A. Pisarev on the Russian emigration in Yugoslavia

Abstract:

It is well known that Soviet academician Yu.A. Pisarev devoted his particular attention to the Balkans on the eve of the First World War. Taking a further step he published an article about the Russian emigration in the Kingdom of Yugoslavia, the Russian House in Belgrade created by the emigrants, and the library located there which was later destroyed in the course of the Second World War. This article was one of the first works in the USSR devoted to this topic. Pisarev's life and scientific stance is fully displayed in the work.

Key words:

Russian emigration in Yugoslavia, the Russian house in Belgrade, the library of emigrant literature, academician Yu.A. Pisarev.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-18002 Болг_а «Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)».

Нам хотелось бы вспомнить академика Юрия Алексеевича Писарева (1916–1993)¹, со дня кончины которого прошло уже более четверти века. Он много писал о Балканах во времена войн и перемирий, и недаром посвященный ему очередной тематический сборник «Славяне и Россия» так и назывался: «Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.»². Нужно сказать также, что Писарев не только одним из первых советских историков стал писать о событиях Первой мировой войны³, но и создал Ассоциацию историков по ее изучению. В те времена это было совсем не просто.

Первая мировая война — Великая война, как ее называли современники, — в советское время трактовалась как война «империалистическая» и всегда затушевывалась по сравнению с Великой Отечественной войной. Соответственно и жертвы этой войны замалчивались. В том, что отношение к Первой мировой войне и российским жертвам этой войны стало постепенно меняться, — велика заслуга Ю.А. Писарева.

Однако мы бы хотели напомнить еще об одной стороне его многогранного творчества — о его вкладе в изучение истории русской или российской эмиграции в Югославии. Он успел написать лишь одну статью на эту тему, но она важна, поскольку раскрывает не только важную научную проблему, но и мировоззренческие позиции и особенности работы самого автора.

Деятельность русской эмиграции пришлась на недолгий период мирной паузы между двумя мировыми войнами. В этот период, при отсутствии официальных отношений между СССР и Королевством сербов, хорватов и словенцев (Югославия), трудно говорить о каких-либо русско-сербских или советско-югославских связях. Но в какой-то степени традиционно дружеские связи между двумя народами были представлены отношениями сербов с русскими беженцами. И эти отношения были весьма плодотворными. Вклад русских эмигрантов в сербскую культуру и науку был значительным и заметным. Его следы видны даже в наши дни.

Проблема русской эмиграции на Балканах и прежде всего в Королевстве Югославия Ю.А. Писарева волновала давно. Он пришел к ней органично, исследуя балканские сюжеты Первой мировой войны. Однако заняться сразу этой проблематикой

он не мог — по понятным причинам история послереволюционной русской эмиграции долго оставалась еще большей табу-темой, чем Первая мировая война, опубликовать по ней серьезные работы было невозможно.

Начавшаяся перестройка в СССР устранила многие препятствия. В конце 1980-х годов Ю.А. Писарев вступил в переписку с проживавшим тогда в Южной Калифорнии (США) младшим сыном полковника В.А. Артамонова — военного агента Российской империи в Сербии, который после октябрьского переворота 1917 г. остался в Югославии. Тот прислал ему «целый ряд ценнейших фотографий и сообщил о малоизвестных ... подробностях событий, происходивших в Белграде накануне Первой мировой войны»⁴. Еще раньше, во время своих командировок в Югославию, Писарев встречался с представителями первой волны российской эмиграции, в частности с известным ученым В.А. Мошиным. Вспоминая об одной из таких встреч, Писарев писал, что «люди в потертых пиджаках и поношенных платьях оказались высококультурными собеседниками»⁵.

Неудивительно, что, как только это стало возможно, Ю.А. Писарев стал автором одной из первых серьезных научных статей о российской эмиграции в Югославии⁶. За год до него к этой теме обратился также доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ В.А. Тесемников в своей статье «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.)»⁷. Сейчас по этой теме написано уже очень много, прежде всего в России и Сербии⁸. И это понятно — история российской эмиграции в Югославии принадлежит прежде всего этим двум странам. Но надо отдать должное Тесемникову и Писареву — в отечественной историографии они были первыми. По крайней мере, первыми, кто постарался и смог взглянуть на эту проблему непредвзято. В Сербии одна из первых научно значимых монографий принадлежала перу О. Джурича — «Русская литературная Сербия»⁹. Необходимо отметить многолетнюю плодотворную деятельность А.Б. Арсеньева, хранителя документации и самой памяти о русской эмиграции в Сербии, автора интересных трудов о русских в Воеводине¹⁰. Из последних работ отметим монографию И. Антанасиевич о русском комиксе в Югославии¹¹.

Основная тема статьи Писарева — культурная и научная деятельность российской эмиграции в Югославии. Надо отметить, что такой подход к проблеме эмиграции был вполне обоснован. Он был менее политизирован, а главное — лучше обеспечен документальным материалом. Другое дело, что он до сих пор остается доминирующим в отечественной и сербской историографии. В результате в изучении российской эмиграции в Югославии существует заметный перекосяк: преобладают работы, посвященные размещению беженцев в Югославии, их быту, издательской деятельности и прежде всего вкладу эмигрантов в развитие культуры и науки принявшей их страны¹². В то же время опубликовано намного меньше работ, которые бы затрагивали политическую историю эмиграции, идейно-организационную борьбу ее представителей и т.п.

В этом смысле немногим лучше исследовано участие русских эмигрантов в событиях гражданской и освободительной войны в оккупированной Югославии в годы Второй мировой войны¹³. Но это не отменяет задачи написания собственно истории эмиграции в межвоенный период. До сих пор одной из самых востребованных на эту тему книг остается первый том записок В.А. Маевского, изданных в США в середине 1960-х годов¹⁴. Назовем еще одну важную работу — книгу, написанную неизвестными русскими эмигрантами, оказавшимися в югославских тюрьмах после сталинско-титовского конфликта 1948 г. Работа велась, естественно, не по доброй воле, а по приказу тюремщиков, создавших из отобранных русских заключенных своего рода «шарашку»*. Окончательно рукопись под грифом «секретно» была перепечатана в количестве 172 экземпляров, озаглавлена «Белоэмиграция в Югославии. 1918–1941.» и датирована «Белград, январь 1955 г.». Судьба распорядилась так, что многолетний труд русских эмигрантов перестал быть актуальным к моменту своего завершения. В советско-югославских отношениях началась так называемая нормализация. Однако еще долго главный исторический труд эмигрантов, их своего рода «автопортрет»,

* Шарашка — разговорное название НИИ и КБ тюремного типа, подчиненных НКВД (позже МВД) СССР, в которых работали осужденные ученые, инженеры и техники с 1930 по 1953 гг.

оставался в ведении госбезопасности. Лишь в начале XXI в. он, наконец, увидел свет¹⁵.

Но вернемся к статье Ю.А. Писарева «Российская эмиграция в Югославии». Она интересна не только по новаторскому для тех лет содержанию, но и по необычной форме. В ней ученый использовал оригинальный прием — о российской эмиграции рассказывается не напрямую, а через судьбу эмигрантской публичной библиотеки. В итоге именно библиотека становится как бы главным действующим лицом этой статьи. Так чаще пишут художественные, нежели научные произведения.

У статьи мощный зачин — также сродни началу художественного произведения: «Знаменитая Тургеневская библиотека в Париже была уничтожена гитлеровцами. Русская публичная библиотека в Белграде погибла из-за попустительства и безответственности некоторых руководителей советских учреждений в Югославии...»¹⁶. Конечно, здесь есть известное преувеличение. Российские чиновники в Югославии были лишь олицетворением проводившейся тогда политики. Но они, говоря словами Евгения Шварца, оказались лучшими учениками.

Русские беженцы захватили с собой на чужбину самое дорогое, в том числе и книги. Одна из жительниц г. Сремски-Карловцы вспоминала, что у русских был свой «клуб», где они собирались. «Там же располагалась и их большая библиотека с отборными книгами, преимущественно русскими, привезенными с родины. Я себе часто задавала вопрос, как им удалось привезти эту уйму книг»¹⁷. Разрозненные книжные собрания, библиотеки в 1932 г. были собраны в одном месте, когда эмигрантская библиотека открылась в новом помещении — построенном рядом с бывшим посольством России Русском доме имени императора Николая II. С этого времени Ю.А. Писарев показывает все изломы судьбы русской эмиграции еще и через призму тех изменений, которые происходили с Русским домом.

И вновь любимый прием автора — противопоставление: «Русский дом был возведен в самом центре Белграда, вблизи королевского дворца, и принадлежал к одним из лучших зданий югославской столицы... Вместительный и красивый, Русский дом привлекал к себе внимание жителей Белграда, которые охотно посещали вы-

ставки и вернисажи, музей казачьей конницы и смотрели кинофильмы...»¹⁸. После Второй мировой войны всё изменилось: «Дом советской культуры уже не был тем центром... Русский дом потерял свое обаяние. Изменился к худшему даже его внешний облик. Прекрасное архитектурное сооружение было исковеркано после реконструкции... Но самым нелепым и кощунственным было водружение памятника Ленину у гардероба при входе в читальный зал...»¹⁹.

Как-то, пишет Ю.А. Писарев, он «посетил Дом советской культуры (ДСК), где читался доклад о развитии социализма в СССР. В зале, где когда-то под овации переполнявшей его публики И.В. Северянин читал свое знаменитое стихотворение «Я — гений Игорь Северянин!», сидела небольшая горстка стариков...»²⁰. И даже это еще было хорошо. «При значительном штате, — пишет автор, — ДСК посещало мало людей — преимущественно это были советские командировочные. Эмигранты, как правило, обходили ДСК, может быть, памятуя о том, что он сыграл трагическую роль в судьбе их библиотеки»²¹.

Уничтожение русской библиотеки в Белграде началось фактически сразу же после войны, после передачи правительством Югославии Русского дома в дар Советскому Союзу. «Газеты и журналы эмигрантов были сожжены в котельной ДСК, часть из них сдана как утильсырье в 1946–1947 гг.»²². Однако «наибольший ущерб библиотека понесла при после СССР в Югославии Н.П. Фирюбине (1955–1956)²³». Ученые пытались как-то воспрепятствовать этому вандализму. «В 60-е годы закончилось ничем ходатайство двух советских ученых — профессора МГУ В.Г. Карасева и доцента МГУ В.П. Гудкова — перед послом СССР в СФРЮ А.А. Епишевым (1961–1962)²⁴ о спасении библиотеки», а в 70-е годы тот же результат ожидал самого Писарева, «дважды ставившего этот вопрос перед послом В.И. Степаковым (1971–1978)²⁵,²⁶.

В целом в статье на югославском примере поставлен важный вопрос об отношении к исторической памяти, к историческим ценностям наших официальных лиц и, в частности, высокопоставленных дипломатических работников. Их отношение часто просто удручает, особенно на фоне самоотверженного поведения многих ученых или деятелей культуры. К сожалению, это относится не только к советскому периоду.

В 1975 г., когда российская эмиграция доживала в Югославии свой нелегкий век, Русскую библиотеку впервые посетила представитель Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина Н.П. Горская. «Она была поставлена, — отмечает Писарев, — в исключительно трудные условия работы в грязном подвале. Ей всё же удалось спасти часть книг. Так бесславно закончилась эта печальная эпопея: история с белградской библиотекой», а наше Отечество с ее гибелью понесло «невосполнимую утрату»²⁷.

Попутно в статье Ю.А. Писарева читатель может найти и много других интересных сведений, иногда прямо не связанных с судьбами эмигрантов. Тем более что в ткань статьи органично вписаны личные воспоминания ученого. Например, он приводит важные данные, которые подтверждают, что Л.Н. Толстой «во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. намеревался записаться добровольцем в русскую армию. “Все идут и я должен пойти”, — заявил он». Толстой также «резко осудил агрессию Габсбургов против беззащитной Боснии и Герцеговины»²⁸. Этот факт интересен тем, что в литературе позиции двух классиков — Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского — по отношению к Восточному вопросу и помощи России южным славянам часто противопоставляются. Из статьи Писарева видно, что их взгляды, по крайней мере, не были диаметрально противоположными. Впрочем, наверное не случайно, Толстой послал героя «Анны Карениной» Алексея Вронского умирать именно в Сербию²⁹.

Конечно, статья Ю.А. Писарева, которая писалась в последний год существования Советского Союза, еще не полностью свободна от всех старых идеологических клише. Так, автор отмечал, в частности, что «диктатура пролетариата не предполагала преследование непролетарской интеллигенции», и это якобы понимал Ленин, провозгласивший доктрину восприятия “всех тех богатств, которые выработало человечество”». Чисто тактический шаг 1921 г. по заманиванию белоэмигрантов в Россию назван Писаревым «гуманным декретом об амнистии», хотя многих из них, поверивших и вернувшихся, расстреляли. Правда, он сам признаёт, что уже через год «была произведена насильственная депортация 200 интеллигентов-инакомыслящих»³⁰.

Завершает Ю.А. Писарев свою статью разделом «Память и памятники». Он вспоминает о роли России в освобождении Сербии от османского гнета и в защите ее от неприятелей в годы Первой мировой войны. И вновь автор прибегает к противопоставлению. Он описывает запустение на кладбище в Белграде, где покоятся российские солдаты и офицеры, погибшие на фронтах Первой мировой: «Поросли бурьяном могилы воинов, превратившиеся в размытые дождями небольшие холмики земли, покосились, а то и упали деревянные кресты, стерлись от времени таблички с именами... Советское посольство в Югославии не обращало на кладбище никакого внимания»³¹. В то же время могилы советских воинов содержались в надлежащем порядке³².

Другой пример. В самом центре Белграда, в парке Калемегдан, есть памятник «благодарения» французским воинам, на цоколе которого написано: «Любим Францию, как и она нас любила». Но именно на этом месте, обороняя Белград осенью 1914 г., погибли русские артиллеристы. Французские же войска, напоминает Писарев, «вошли в Белград только 11 ноября 1918 г., через десять дней после освобождения города самими сербскими солдатами». Все эти факты ученый изложил послу В.И. Степакову, но тот отмахнулся от него, «как от назойливой мухи». «Царские солдаты не интересовали советского посла»^{33, 34}.

В то же время югославские официальные лица выглядели более пристойно. Несмотря на некоторую критику их отношения к российским эмигрантам, ученый отмечал в своей статье, что «в югославском народе не померкла благодарная память о русских, внесших свой вклад в развитие их культуры», воевавших за Белград в годы Первой и Второй мировых войн³⁵.

В свою очередь и в русском народе отношение к сербам традиционно занимает совершенно особое место. О своем первом посещении Австрии и Югославии Ю.А. Писарев вспоминал через много лет, используя уже не раз отмеченный прием противопоставления: «На меня, помнится, произвели большое, но разное впечатление столицы обоих государств: державная Вена с ее роскошными дворцами, имперскими площадями и величественными памятниками — немymi свидетелями былого могущества монархии Габсбургов, и более скромная менее официальная ... столица Сербии.

Белград с кривыми, уходящими в гору улочками, ремесленными мастерскими и бесконечными кафанами... Разные страны и разные люди... Степенные, подчеркнута вежливые, но погруженные в себя, в свое дело и в свои раздумья австрийцы, неизменно прилично одетые в новые или слегка поношенные, но непременно отутюженные костюмы жители Вены, и, напротив, темпераментные, громогласные, пестро одетые сербы, готовые познакомиться тут же, на улице, которую они переходят где попало и как попало, нарушая движение транспорта, жители Белграда. Каждый второй австриец копит свои деньги в "шпархзамкассе" или в банке, каждый второй серб, а может быть, и каждый первый беспечно проживает и пропивает их, залезая в долги. У австрийских немцев всё рассчитано, всё взвешено. У сербов, напротив, всё неучтено, многое просто безалаберно». И тут же делается однозначный вывод: «Русским, привыкшим к размаху и беспечности, ближе сербы»³⁶.

Кстати, если уж мы говорим о русской библиотеке, то еще одним нерукотворным памятником пребывания русских эмигрантов в Сербии стало бережное отношение к книгам и в целом любовь к чтению, которые сербы переняли именно от них. Как писал сербский литературовед О. Джурич, «русский литературный вклад в Сербии больше заметен в культуре в широком смысле, чем в самой литературе». В Сербии, где «книга только занимала свою высокую духовную нишу, русское поклонение перед письменным словом стало подобно небесному дару»³⁷.

Повторим, что по теме русской эмиграции Ю.А. Писарев написал всего лишь одну статью. Но, как и во многих других случаях, он был одним из самых первых. И нам кажется, что его статья «Российская эмиграция в Югославии» заслуживает особого внимания по ряду причин. Статья — для своего времени новаторская, разноплановая, продуманная и содержательно, и композиционно. Статья — позволяющая судить не только о научных взглядах автора, но и о его литературном вкусе, о его стиле, чувстве слова. И это несмотря на то, что она, как и все последние труды ученого, писалась уже серьезно больным человеком, не прекращавшим работать даже на больничной койке. И это статья — не только пера маститого ученого, преданного исторической науке, но и настоящего гражданина, подлинного патриота своей страны.

Примечания

- 1 См. о нем: *Виноградов К.Б., Шемакин А.Л.* Юрий Алексеевич Писарев (1916–1993) // *Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. Новая и новейшая история. М., 2004. С. 366–377; Данченко С.И.* Академик Юрий Алексеевич Писарев. Жизнь в науке // *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева. М., 2017. С. 10–32.*
- 2 *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв.*
- 3 См.: *Писарев Ю.А.* Сербия и Черногория в Первой мировой войне. М., 1968; *он же.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985; *он же.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия: 1914–1915. М., 1990; *он же.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993.
- 4 *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. С. 18, 124.
- 5 *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // *Новая и новейшая история. 1991. № 1. С. 160.*
- 6 Там же. С. 151–161.
- 7 *Тесемников В.А.* Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // *Вопросы истории. 1988. № 10. С. 128–137.*
- 8 На наш взгляд, наиболее серьезной работой остается докторская диссертация профессора Белградского университета Мирослава Йовановича, опубликованная не только на сербском, но и на русском языке: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М., 2005.
- 9 *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1990.
- 10 *Арсеньев А.Б.* У излуцины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; *он же.* Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци, 2008.
- 11 *Антанасиевич И.* Русский комикс королевства Югославии. СПб., 2018.
- 12 В России этими проблемами много занимался, в частности, В.И. Косик. См., например: *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде. 1920–1950-е годы. Ч. 1. М., 2007; *он же.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920–1950-е годы. Эссе. М., 2007.
- 13 См.: *Тимофеев А.Ю.* Русский фактор и Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010; см. также: *Тимофеев А.Ю.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд, 2011.
- 14 *Маевский В.* Русские в Югославии. Взаимоотношения России и Сербии. Т. I. Нью-Йорк, 1960; Т. II. Нью-Йорк, 1966.
- 15 Белоэмиграция у Југославији. 1918–1941. Т. I–II. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић.) Београд, 2006. См. также: *Никифоров К.В.* Белоэмиграција у Југославији. 1918–1941. (Приредили Т. Миленковић, М. Павловић.) Београд, 2006. Т. I. 506 с.; Т. II. 359 с. // *Славяноведение. 2007. № 4. С. 89–92.*
- 16 *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии. С. 151.
- 17 Цит. по: *Арсеньев А.Б.* Русская эмиграция в Воеводине // *Русские в Сербии. Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии — последних 60 лет и сегодня. Белград, 2009. С. 158.*
- 18 Там же. С. 154.

- ¹⁹ Там же. С. 156.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 157.
- ²³ В 1957–1983 гг. — заместитель министра иностранных дел СССР. Муж Е.А. Фурцевой (с 1956 по 1974 гг.) — первого секретаря Московского горкома КПСС (1954–1957), члена Президиума ЦК КПСС (1957–1961), министра культуры СССР (1960–1974).
- ²⁴ Весной 1962 г. отозван из Югославии, возвращен на военную службу и назначен на должность начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, присвоено звание генерала армии.
- ²⁵ В 1964–1965 гг. — главный редактор газеты «Известия», в 1965–1970 гг. — заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС, доктор исторических наук.
- ²⁶ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии. С. 158.
- ²⁷ Там же. С. 151, 158–159.
- ²⁸ Там же. С. 154.
- ²⁹ См., напр.: *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. М., 2002; 2-е доп. издание. СПб., 2007.
- ³⁰ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии. С. 158.
- ³¹ Там же. С. 159.
- ³² Время изменилось. К 100-летию начала Первой мировой войны русская часть белградского кладбища «Ново Гробле» была отреставрирована российской стороной. К сожалению, дорогостоящие работы были проведены крайне неудачно, от оригинального вида мемориального места мало что осталось.
- ³³ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии. С. 159–160.
- ³⁴ К 100-летию Первой мировой войны в белградской крепости Калемегдан всё же был установлен памятник в честь русских и сербских солдат, погибших при обороне города. Он был привезен из России и представляет собой гранитный крест высотой 2,7 метра с бронзовым изображением Георгия Победоносца.
- ³⁵ *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии. С. 160–161.
- ³⁶ *Писарев Ю.А.* Тайны Первой мировой войны. С. 3.
- ³⁷ *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941. С. 271.